
ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

И. В. МАСЛОВА, Н. И. ИСМАИЛОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН «СМЕНЫ РОЛЕЙ»: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

В статье рассмотрен исторический феномен смены гендерной идентичности на примере участницы Отечественной войны 1812 года Н. А. Дуровой. Экзистенциальная кризисная ситуация, сложившаяся в детские годы, стала доминантой жизни Н. А. Дуровой, которая преодолела конфликт сменой гендерной роли и принятием мужской идентичности, что стало для нее смыслообразующим фактором жизни, обеспечило профессиональный успех и военную карьеру.

Ключевые слова: гендерная идентичность, историческая психология, Надежда Дурова.

Историческая психология направлена на реконструкцию духа отечественной истории, анализ стилей жизни, системы ценностей, нравов, жизненных сценариев и идеалов различных социальных слоев в различные исторические периоды. Прекрасный пример для выявления гендерной идентичности исторической эпохи первой половины XIX века – кавалерист-девица Надежда Андреевна Дурова, женщина, которая, бросив вызов общественным устоям, взяла на себя роль мужчины-воина. При изучении этого исторического феномена представляется целесообразным использовать некоторые методы и приемы психологического анализа.

Жизнь Н. А. Дуровой мы рассматриваем с точки зрения неотъемлемой взаимосвязи с конкретным историческим периодом и психическим развитием человека под его влиянием, а также глубинного анализа психологического склада самой личности. Особое внимание отведем психоаналитической традиции: источник трудно-

стей личности ищется в прошлом, раннем опыте общения в родительской семье. Основной причиной смены гендерной идентичности Дуровой можно считать потребности, которые в детстве удовлетворялись значимым отцом, а не матерью. Именно поэтому, став взрослой, Дурова избрала социальную роль мужчины, выделяя тех партнеров по общению, с которыми легче воспроизвести ситуацию, привычную и разрешенную в детстве.

Надежда Андреевна – героиня Отечественной войны 1812 года, первая русская женщина-офицер – была награждена за боевые подвиги знаком воинского отличия – солдатским Георгиевским крестом. Она воспринимала и ощущала жизнь военного человека как наиболее привлекательную для себя.

Дурова вызывала восторг, удивление, недоумение у современников, среди которых преобладал мировоззренческий шаблон подчиненности женщины: «женщина – это дочь, сестра, супруга и мать, простой придаток рода человеческого». Подобный шаблон соответствовал нормативной модели семьи того времени.

В начале XIX века в Российской империи постепенно стали распространяться представления о ролевой активности женщин, которые проявляли себя, например, в сфере благотворительной и общественной деятельности. Но женщина, взявшая на себя социальную роль мужчины, – событие экстраординарное. Тем более что Дурова была не просто воительницей среди равных ей, как в случае со знаменитыми амазонками, не «символом» спасения, как в случае с Жанной д'Арк, гендерный статус которой и был признаком божественной избранности. Она равная среди мужчин, которые даже не догадывались, что все тяготы военной жизни с ними разделяет женщина. Пример Дуровой исключителен еще и потому, что она стала автором знакового произведения художественной литературы «Записки кавалерист-девицы», в котором нашли отражение не только реальные события, но и ее рассуждения, мысли, и это дает нам блестящую возможность совершить экскурс в область исторической психологии.

Стремление к смене гендерных ролей начало формироваться в детские годы Надежды. Отец Андрей Васильевич, дворянин, командовал эскадроном в гусарском полку. Он был женат на дочери богатого помещика Надежде Александрович, которая, убежав из дома, обвенчалась с ним втайне от родителей, за что была проклята отцом. Единственным шансом на прощение могло быть рождение у них сына, но в 1783 году родилась дочь Надежда, сразу вызвав-

шая нелюбовь матери. Эту нелюбовь Надежда чувствовала всю жизнь, возможно, именно неосознанное внутреннее желание угодить матери стало одной из причин «гендерного перевоплощения». Согласно глубинной психологической «гипотезе подражания и воспроизводства отношений» ребенок относится к себе так, как относился к нему в детстве родитель того же пола (Benjamin 1978). Маленькая Наденька неосознанно интериоризировала способы материнского отношения и управления ее поведением, вследствие чего доминирование и пристыживание матери переросло в жесткое саморуководство и самообвинение взрослеющей Надежды.

Отец поручил воспитание дочери фланговому гусару Астахову, который обучил подрастающую девочку премудростям военной науки. Астахов целыми днями носил Надежду на руках, ходил с ней в эскадронную конюшню, сажал на лошадей, давал играть пистолетом, махал саблей, а девочка хлопала руками и хохотала при виде сыплющихся искр и блестящей стали. Первичная, генерализованная социализация Надежды формировалась под фундаментальным влиянием эмоционально-психологической близости военного человека. Она подражала своему воспитателю, который поощрял ее за одни поступки и наказывал за другие. Произошел дефект социализации: биологическая «женская» роль закономерно сменилась противоположной социальной ролью и зафиксировалась присвоением «мужских» норм и ценностей. Именно в раннем возрасте заложились неосознаваемая гендерная идентичность, базирующаяся на произвольно принятых нормах и привычках.

Походная служба стала обременительной для разросшейся семьи Дуровых, и отец принял решение оставить офицерскую карьеру. Уйдя в отставку, он с семьей поселился в небольшом уездном городе Сарапуле, где прослужил в должности градоначальника 35 лет.

В Сарапуле Надежда вновь оказалась на попечении матери, отношения с которой оставались натянутыми. В соответствии с системной семейной психологией диада «мать-отец» является нестабильной системой отношений. Поэтому в напряженных ситуациях она образует треугольник «мать-отец-ребенок». В семье Дуровых сложился дисфункциональный паттерн человеческих отношений, где в конфликтном сценарии Надя оказалась слишком сильно вовлечена в супружеский конфликт. Вероятнее всего, она испытывала сильнейший стресс, в условиях которого сформировались симптомы жертвы. В автобиографии и в «Записках» Дурова неоднократно возвращается к вопросу о нелюбви матери. «С каждым днем

воинственные наклонности мои усиливались, и с каждым днем более мать не любила меня... Мать моя, от всей души меня не любившая, кажется, как нарочно делала все, что могло усилить и утвердить и без того необратимую страсть мою к свободе и военной жизни: она не позволяла мне гулять в саду... я должна была целый день сидеть в горнице и плести кружева» (Дурова 2011: 4). При этом Надежда подчеркивала, что в остальных своих детях мать души не чаяла. Налицо стиль воспитания (точнее, аномалия стиля воспитания), основанный на эмоциональном отвержении и тяготе к ребенку. Мать, все время считавшая Надежду обузой, проявляет общее недовольство ребенком, игнорирует ее потребности. Все значимые достижения развития Нади не оцениваются, более того, являются неприемлемыми для матери. Здесь вновь открывается искажение психологически-природного отношения матери к ребенку, выступающее травмирующим фактором в развитии личностной автономии и чувства защищенности, что часто способствует смене гендерной идентичности (Уорден 2007: 45).

Именно в скрытом противостоянии матери формируется твердый, «мужской» характер Надежды. Взаимоотношения с матерью напоминали непрерывное сражение. Мать реагировала слишком жесткими, неэффективными способами на бунтарское поведение дочери, что приводило только к его усилению и сопротивлению. Тайком от матери Надежда продолжала заниматься верховой ездой, тренировалась стрелять из ружья.

Детские игры Надежды были полны мальчишеского озорства: сделанный собственными руками фейерверк, взрыв в кухне как результат испытания горючих свойств пороха, дрессировка хищного сокола. С немалой долей самоиронии рассказывает Надежда Андреевна о своих детских «подвигах». Часто вторым по значению персонажем в этих историях выступает ее мать: «Хотя я чрезвычайно боялась моей матери, но непомерная резвость одолевала меня и увлекала вопреки страхам наказания».

Объясняя выбор своего жизненного пути, Надежда называет еще одну причину: «Может быть, я забыла бы наконец свои гусарские замашки и сделалась обыкновенною девицею... если бы мать не представляла в самом безотрадном виде участь женщины. Она говорила при мне в самых обидных выражениях о судьбе женского пола: женщина, по ее мнению, должна родиться и умереть в рабстве, что вечная неволя, тягостная зависимость от всякого рода угнетения есть ее доля...» (Дурова 2011: 10). Между близкими

кровными родственниками установились жесткие разобщенные границы, что до крайности лишило их необходимой взаимной поддержки. Сложилась ситуация деструкции воспитания Надежды при отрицательно-доминирующей функции женщины-матери в структуре семейных отношений. Мать и Надя вольно или невольно оказываются в плену друг у друга, в круговороте действий и эмоций. Девочка не по своей вине прошла своеобразный обряд психологической инициации и «перешла» в мужскую группу.

Взаимоотношения Надежды с отцом, напротив, складывались на основе взаимной любви. Отец, открыто не поощряя военных забав дочери, тем не менее не считал ее увлечение преступлением. Именно он подарил Надежде ее «единственного друга юности» – черкесского жеребца Алкида. Но и от горячо любимого отца Надежда нередко слышала обидные для нее слова о том, что если бы его первенцем был сын, он мог бы положиться на него в старости. Именно во взаимоотношениях с родителями в душе юной Надежды зародились два столь противоположных чувства: «любовь к отцу и отвращение к своему полу». Предпочтительное и желанное общение с отцом на фоне принятия и усвоения девочкой определенной роли укрепило психологическую гендерную идентичность, с которой в дальнейшем соотносились самосознание, культурные определения мужественности Дуровой и все свойства ее поведения.

Своеобразным поводом для дальнейшего развития «мужской роли» в характере Надежды стал отъезд в Малороссию к бабке, где она получила гораздо больше свободы, чем в доме матери. Здесь, вдали от семьи, Надежда впервые влюбилась в юношу-соседа, но чувство не получило одобрения родственников, которые разлучили ее с молодым человеком.

Надежду угнетало состояние «зависимости» – от родителей, светских правил, семейных традиций. Ей хотелось свободы. Особенно тяжелым было положение девицы. Незамужняя девушка не имела права без сопровождения родственников, знакомых и слуг даже покидать пределы усадьбы или дома. Это угнетение казалось более жестоким, чем солдатская служба в императорской армии. В своих «Записках» Надежда Андреевна замечает: «Сколько не бываю я утомлена, размахивая целое утро пикою – сестрою сабли, маршируя и прыгая на лошади через барьер, но в полчаса отдохновения усталость моя проходит... Свобода, драгоценный дар неба, сделалась уделом моим навсегда! Я ею дышу, наслаждаюсь, ее

чувствую в душе, в сердце! ...Я прыгаю от радости, воображая, что во всю мою жизнь не услышу более слов: “Ты девка, сиди, тебе неприлично ходить одной прогуливаться!”» (Дурова 1983: 56).

Существовавшая в начале XIX века гендерная дискриминационная практика была закреплена политикой и законодательством России, охватывала многие сферы жизнедеятельности и имела место в межличностных отношениях, в случае неисполнения которых женщине предъявлялись претензии и требования. У Дуровой к тому времени уже сформировались противоречия между личностной и социальной идентичностью, «запустившие» процесс образования мотивационного и эмоционального диссонанса, который повлиял на ее самооценку и отношение к себе.

Избавиться от родительской опеки и строгого надзора можно было одним способом: выйти замуж. Тогда женщина становилась хозяйкой дома, и хотя юридически власть в доме принадлежала хозяину – мужчине, фактически управлять всем, вести хозяйство и дом могла и одна женщина. Руководствуясь, видимо, стремлением выйти из-под родительской опеки, Надежда Дурова 25 октября 1801 года выходит замуж за чиновника 14-го ранга Василия Степановича Чернова. Брак оказался неудачным, семейная жизнь не сложилась, несмотря на рождение сына Ивана. В 23 года Надежда, оставив мужа, вместе с сыном возвращается в родительский дом в Сарапуле.

Надежда Андреевна старалась забыть эти страницы своей жизни, но если для истории своего замужества она нашла литературную форму, описав его в повести «Игра судьбы, или Противозаконная любовь», то о сыне она не писала никогда и нигде. Смена гендерной роли привела к тому, что многие ценности потеряли свое значение, и одной из таких ценностей стал брак. Дурова оказалась слишком независимой, достаточно способной, чтобы в одиночку справляться со своими трудностями, и совершенно не нуждалась в мужской заботе и защите. Вполне очевидно, что у нее были недостаточно развиты женские качества, ей не хватало девичьих чарующих манер, волнующих мужчину.

Вернувшись в дом родителей, Надежда беспрепятственно предалась своему давнему увлечению – верховой езде. Прогулки в мужском седле в сопровождении отца стали ее любимым развлечением. Отец восхищался ее природной ловкостью, бесстрашием, умением крепко держаться в седле. Он говорил, что место хороше-

го всадника – в кавалерийском полку и что при таких способностях она в короткий срок могла бы там стать офицером.

Своим возвращением домой дочь снова вызвала гнев матери. Воинственный пыл вспыхнул в Надежде с новой силой, и она начала искать способ привести свое намерение в исполнение: порвать с оковами женского пола, сделаться воином и любимым сыном отцу. Широко представленный в общественном сознании нормативный эталон «настоящий мужчина» побудил Надежду оценить себя с точки зрения соответствия этому эталону, стимулировал рефлексию истинной маскулинности. Единственным выходом подобной самооценки и рефлексии стало отождествление себя, в полном смысле этого слова, с мужчиной. Глубоко сконструированные представления «Я-концепции» прямо повлияли на восприятие окружающей среды и способы поведения в ней. Поэтому убежденность Дуровой «Я – мужчина» прямо повлияли на ее поведение.

15 сентября 1806 года казачий полк выступил из Сарпула в поход, с тем чтобы в пятидесяти верстах от города остановиться на дневку. Надежда решила догнать полк на стоянке. В день своих именин, 17-го числа, ночью Надежда обрезала косы, надела казакин и шапку с красным верхом. Чтобы запутать следы, она сбегала к Каме и оставила на берегу свое женское платье. «Итак, я на воле! Свободна! Независима! Я взяла мне принадлежащее, свою свободу! Драгоценный дар неба, неотъемлемо принадлежащий каждому человеку!» (Дурова 2011: 20).

Без сомнения, Надежда Андреевна отдавала себе отчет в том, что ее деяние похоже на бунт. Это было дерзкое выступление одиночки против обычаев, нравов и предрассудков современного ей общества, против той системы общественных ценностей, где женщине отведена только одна роль – полное подчинение чужой воле, – и только одно место деятельности – в доме ее хозяина, мужчины. Возник экзистенциальный конфликт, вызванный противоречием между гендерными представлениями о личности женщины и невозможностью-нежеланием соответствовать этим требованиям. Экзистенциальная кризисная ситуация стала доминантой жизни Дуровой, которая преодолела конфликт, разрешила его новым качеством, нашла смыслообразующий фактор жизни, обеспечила профессиональный успех и карьеру.

Казачий полковник разрешил «сыну помещика Александру Васильевичу Дурову», как назвала себя беглянка, встать в строй первой сотни. Так началась военная карьера кавалерист-девицы.

В ряду amazонок Надежде Андреевне Дуровой, бесспорно, принадлежит выдающееся место. Во-первых, она стала участницей трех наполеоновских войн (1807 года – в Пруссии, 1812 года – в России, 1813–1814 годов – в Польше и Германии). Во-вторых, она без перерыва прослужила в русской армии девять лет (с марта 1807 по март 1816 года). При этом молодая женщина, которая посвятила себя военной службе, сумела быть на равных с мужчинами в этой трудной стезе и на поле боя доказывала свою храбрость. В-третьих, Надежда Дурова прошла по ступеням служебной лестницы: весной 1807 года – рядовой, осенью 1807 года – унтер-офицер, в декабре того же года произведена в офицерский чин корнета, в июне 1812 года – поручик, в марте 1816 года – штаб-ротмистр.

Инкогнито Соколова (так назвалась Дурова, завербовавшись в регулярные войска) было раскрыто после того, как Александр I узнал, что в его армии служит женщина. В ответ на настоятельную просьбу Надежды император позволил ей продолжить службу в чине корнета Александра Александрова и пообещал сохранить ее тайну. Прослужив девять лет в конном строю, «Александр Александров» 9 марта 1816 года был уволен в отставку в чине штаб-ротмистра.

Удивляет тот факт, что и уйдя в отставку, Надежда продолжала «играть роль» мужчины, отставного штаб-ротмистра Александрова. В 1824 году она пишет автобиографию от имени мужчины. В ней чувствуется отчаяние человека, лишённого смысла жизни, коим для нее была военная служба: «Заменяв уланский колет фракком, я едва не пришел в отчаяние, когда первый часовой, мимо которого я проходил, не стал во строю и не взял на плечо, как следовало при виде офицера... я не мог выносить такого совершенного отчуждения от главного элемента моей жизни» (Дурова 1966: 188).

Уйдя в отставку, Надежда Дурова занялась литературным творчеством. Среди произведений, принадлежащих ее перу, – «Записки кавалерист-девицы», народные сказы и легенды, вошедшие в повести «Нумерка», «Серный ключ», повесть, в которой автор изложила историю своего замужества, – «Игра судьбы, или Противозаконная любовь». Даже на страницах мемуаров Надежда не хотела раскрывать своего настоящего имени. Это обстоятельство чуть не стало причиной ссоры между Дуровой и А. С. Пушкиным, которому она вверила издание своих «Записок». Не спрашивая разрешения у героини, даже не поставив ее в известность, Пушкин назвал ее настоящее имя, да еще и присоединил слово «девица», которое то-

гда обозначало социальное положение женщины (не побывавшая замужем, одинокая). Возмущение Надежды было очень велико, ведь Пушкин покусился на самую главную тайну ее жизни. Об этом она узнала, когда прочла корректуру второго номера «Современника». «Имя, которым вы назвали меня, милостивый государь Александр Сергеевич, в вашем предисловии, не дает мне покоя! Нет ли средства помочь моему горю?» – далее звучит даже не просьба, а скорее мольба Дуровой назвать ее мемуары «Собственноручные записки русской амазонки, известной под именем Александрова» (Дурова 1966: 182).

Но Пушкин настоял: «“Записки Н. А. Дуровой” – просто, искренне и благородно. Будьте смелы – вступайте на поприще литературное столь же отважно, как и на то, которое вас прославило» (Там же: 183).

Переписку с великим поэтом, да и с другими корреспондентами Дурова вела от мужского имени и неизменно подписывалась именем «Александров». При личной встрече с поэтом произошел курьезный случай, который Дурова описала в повести «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения»: «Он взял мою рукопись, говоря, что отдаст ее сейчас переписывать, поблагодарил меня за честь, которую, говорил он, я делаю ему, избирая его издателем моих записок, и оканчивая значительную речь свою, поцеловал мою руку. Я спешно выхватила ее, покраснела и уже совсем не знаю для чего сказала: “Ах, боже мой! Я так давно отвык от этого!”» (Дурова 1983: 399). Даже после того как благодаря ее «Запискам» широкой общественности стало известно, кто скрывался под именем Александрова, Дурова не изменила привычному мужскому стилю жизни. Проведя последние 25 лет жизни в небольшом уездном городе Елабуга (Вятской губернии), она всегда одевалась в мужской костюм: длинный черный сюртук, узкие брюки, на голове была высокая черная шляпа, в руках трость. Несмотря на общественное разоблачение, сохранение себя в роли мужчины явилось господствующим и говорит о закономерном процессе развития личности. Сформированная в процессе индивидуального развития и в результате взаимодействия ребенка с родителями совокупность поведенческих черт и особенностей, обычно присущих мужчинам, приобрела характер хронический и укрепились в сознании. А культура жизни Дуровой регулировала проявления устойчивой маскулинности.

В течение всей своей жизни Дурова не любила, когда ее называли женским именем. Городничий Елабуги Э. Ерлич часто с любезностью принимал у себя штаб-ротмистра Александрова, но в случае, когда последний вызывал его недовольство, как правило, прошениями помочь рядовым горожанам, он прибегал к испытанному средству. «Обыкновенно городничий встречал штабс-ротмистра словами: “А, здравствуйте, многоуважаемый Александр Андреевич!”. В минуты гнева он говорил: “Мое почтение, Надежда Андреевна, как поживаете?”. Затем, как бы спохватившись, прибавлял: “Ах, извините, пожалуйста; а я было принял вас за одну мою знакомую”...» (Лешманов 1890: 658). После такого приветствия лицо штаб-ротмистра покрывалось густым румянцем, а затем становилось очень бледным. И в течение нескольких недель «Александров» не показывался в обществе.

Дурова умерла 21 марта 1866 года. Она завещала похоронить ее под именем Александрова, священник не решился на это. В метрической книге Никольской церкви была сделана запись: «21-го марта 1866 года умерла, а 24 марта погребена, штаб-ротмистр, по выданному билету на отставку из военной службы от 24-го апреля 1817 года № 2362, дворянка по рождению и крещению Надежда Андреевна Дурова».

Историческая психология как проявление междисциплинарного взаимодействия социально-гуманитарных наук позволяет реконструировать систему психологических ценностей, жизненных сценариев, в том числе проблем гендерной идентичности определенной исторической эпохи. Основной причиной смены гендерной роли русской амазонкой Н. А. Дуровой стала психологическая атмосфера, царившая в ее семье в детстве. Согласно психологической гипотезе подражания и воспроизводства отношений, Надежда относилась к себе так, как к ней в детстве относилась мать, и стыдилась принадлежности к женскому полу. В условиях сложившейся деструкции воспитания, при отрицательно-доминирующей функции женщины-матери в семье, девочка предпочла принять на себя «мужскую роль». Определенное влияние на смену гендерной идентичности оказали и исторические условия в Российской империи XIX века: социально-психологическая дискриминация женщины была закреплена российскими традициями и законодательством.

Смена гендерных ролей привела к потере значимости привычных ценностей: брак, семья, дети. Экзистенциальная кризисная ситуация стала доминантой жизни Н. А. Дуровой, которая преодолела

конфликт сменой гендерной роли, принятием мужской идентичности, что стало для нее смыслообразующим фактором жизни, обеспечило профессиональный успех и военную карьеру.

Литература

- Дурова, Н. А.**
1966. *Записки кавалерист-девицы*. Казань: Татарское книжное изд-во.
1983. *Избранные сочинения кавалерист-девицы Н. А. Дуровой*. М.: Московский рабочий.
2011. Детские лета мои. *Записки кавалерист-девицы. Избранные сочинения*. М.: Сибирская Благовонница, с. 4–24.
- Лешманов, Ф. Ф.** 1890. Надежда Андреевна Дурова: материалы к биографии. *Русская старина* 67(9): 657–666.
- Уорден, М.** 2007. *Семейная психотерапия. Диагностика, техники*. СПб.: Прайм-Еврознак.
- Benjamin, L. S.** 1978. Structural Analysis of Social Behavior. *Psychological Review* 81: 34–42.